

Ирина Листвина

Ретроспектива

Прогулки вдоль линии горизонта

переводы из Н.

Ирина Листвина

**Прогулки вдоль линии
горизонта (сборник)**

«Геликон Плюс»

2017

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Листвина И. И.

Прогулки вдоль линии горизонта (сборник) / И. И. Листвина —
«Геликон Плюс», 2017

ISBN 978-5-00098-091-0

Стихи Ирины Листвиной глубоки, самобытны и искренне религиозны. Они – плод раздумий над судьбой отношений человека с Богом и с окружающим миром... В поэтике Листвиной нет логического изложения событий трёх характерных для неё рядов – сюжетно Библейско-Евангельского, дневникового и исторического (выпавшего на долю современников и параллелей – из российской истории), Подоплёка, подпочва этих стихов, их истинное содержание – трагическое познание и странствия души, ищущей очищения и свободы... В этом стремлении преодолеть преграды повседневного существования есть две составляющие – вертикальная и горизонтальная. Авторское я как бы то опускается на дно колодца («Колодец двора»), то пробивается из земли, как растение, и тянется вверх к небесам («Нездешний бал», «Вариация из Верлена»). А в горизонтальном плане преобладает взгляд – в широком смысле слова. Но это и взгляд из окна в даль, и встречный – из дальних просторов в окно, в тесноту ограниченного пространства («Карниз», «Дом», «Баллада о ране»).... Эти пограничные странствия и искания даны не прямо, а в символической системе образов, сквозь интуитивное овладение словом, не только продолжающее традиции поэзии начала XX века, но и связующее их со стоящей особняком линией Велемира Хлебникова. Когда выщепление корня из жизненных связей слова соединено с проникновением во внутреннее, объединяющее слова, как живые единички языка, родство («Корни»).... (Отрывки из рецензии Т. Ю. Хмельницкой)

УДК 82.32.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-091-0

© Листвина И. И., 2017

© Геликон Плюс, 2017

Содержание

Ремарка первая	8
Привал в облаках[2]	9
I. Стихи из Шансон Дым	9
Вершители судеб	9
Апрель	9
Конец осени	11
Вечер, воздух...	11
Баллада о елях и детстве	12
Почти верблюды	13
Душа моего тела	14
Родина (1)	15
Осенний рисунок. Дорога	16
Гадалка	16
1. В детстве	16
2. Гадание. Провал	17
3. Очнувшись...	18
Мне в этом зеркале	19
Моя Пьеретта	20
Корни	21
Скрипач	22
Чердак[11]	23
Старая квартира	23
Ты	24
Молитва корней	26
II. Шансон Сон	27
Часть первая	27
Пластинка	27
Ремарка вторая. О «Снегопропадах»	28
С птичьей-человеческой фигуркой	29
Ещё о весне	30
Корабельный, кроющий мглой	31
Осенним днём	32
Послеполночный	34
Бессонница в чёрных томах	34
Лиственный	36
На даче в саду	36
Ледостав Летнего сада	37
Часть вторая	38
Дом в шалаше	38
Васильеостровский	40
Чужая сторона	42
Снегопропад Рождественский[41]	43
Три стихотворения	45
Снегопропад «Прощальный»	47
Молитва из глубины снего-пропадов	48
Часть третья[49]	49

Конец ознакомительного фрагмента.

51

Ирина Исааковна Листвина
Прогулки вдоль линии горизонта
Ретроспектива (Моноразговорник
и азбучный молитвослов)

© Листвина И, текст, 2017.

© «Геликон Плюс», макет, 2017.

Ремарка первая

Два слова о названии. Разговорники – двуязычные книжечки-гиды, они дают в новой языковой среде ключ к обсуждению простых вещей – например, как пройти к музею, снять номер в гостинице, сколько стоит хлеб в ближайшей булочной etc.

Название «Моноразговорник» возникло в силу того, что ответы на столь же простые вопросы (но только из области «не хлебом единым») существуют – и во множественном числе, но на стороне читателя. Тем самым ответная реплика лишь подразумевается.

Перехожу к молитвослову. Мы и не подозреваем (забываем!), что оказавшись в непосильной для нас ситуации, нередко молимся – кратко, своими словами. Мы бессознательно поступаем так начиная с детских лет, нередко задолго до того, как впервые переступаем порог храма. Азбучным он назван отчасти и потому, что автор прошёл первую половину своей «дороги к Храму»¹ неконфессиональным путём (нет, не языческим, не буддистским, не индуистским, но...). Так уж вышло, что просто своим.

Но и не только поэтому. Да, «аз, буки веди, глаголь добро» – стало общеизвестной истиной. Но ведь добро начинается с малого (почти детского), с вещей простых и как бы односложных, «азбучных». Хотя стихи эти скорее уж «многосложны» и не всегда однозначны.

И последнее:

Если вы предпочитаете в стихах туманные, не вполне ясные смысловые значения, лишь бы было благозвучие, если вы равнодушны к малоизвестным подробностям – например, к таким, о которых было написано в «Русской старине», или к галлицизмам, сыгравшим в своё время интереснейшую роль в становлении российской поэзии, или к упоминаниям библейских текстов (этот перечень можно было бы и продолжить), то вам лучше не заглядывать в Краткие послесловия, которыми заканчиваются «Привал в облаках» и все остальные разделы сборника

Разумеется, также не стоит заглядывать в них, если вам и без того всё понятно или известно.

¹ Православному.

Привал в облаках² («Шансон Дым» и «Шансон Сон»)

I. Стихи из Шансон Дым (1958–1968 гг.)

Вершители судеб

Вершители судеб, творцы и палачи,
Тираны, стойки, строители, солдаты...
Бессмертник, врезанный в гранит и кирпичи
Стены багряной, острия ограды,
Да роз закрытые, кровавые глаза
В венках на площади и на кустах горбатых.

Бесчинства, сбитые во фронт парадов,
И флаги на ветру (со всхлипом «пли!»),
И канонады все, и колоннады,
Асфальт вполнеба, небо без пощады.

И невских вод, и площадей тирады,
Что смертный ужас в конность бронзы влит,
И лист шуршит ещё, как соглядатай.
Ночь Микельанджело: «Молчи, молю, молчи!»³

На свалке гипсовой своих гигантских статуй
Нам жизнь оставили творцы и палачи,
Убийцы-стойки, строители-солдаты.

Апрель

I

Апрель, и апельсин,
И ломкий слух капли —
Так делятся легко на солнечные щели,
А в лужицах с эмалью льда — бензин,

² Из первого сборника (1958–1968).

³ Из сонета Микеланджело «Ночь» в переводе Ф. Тютчева.

И солнце бьёт полого по панели,
Луч пилит синеву, как жук-пропеллер,
Но в ветках – первая мелькнула акварель.

Над лужицей испуганно кружится,
Из сна ли выпав, со снегу, синица —
Конец зиме, мой ветреный апрель.

II

Мой апрель-менестрель,
ледяной, продувной одуванчик,
как в сифоне, капель
комарино звенит, то ли плача.

За снега, за века
затаясь, что тебе то и дело,
всем кивая: «Пока!» —
улыбаться – упрямо, несмело.

Прозвенела струя:
«Я другой, я не знаю, веками
только камни стоят,
оттого что из вечности – камни.

Я рождаюсь зимой,
но по-летнему ярк и тонок,
с ясной снежной каймой
я жесток и упрям, как ребёнок,

но так больно от холода
и от слепящего света,
ручѐк я и облако,
сам я из талого снега».

...Уходя налегке,
пробежит, не прощаясь, нечаянно,
трель – капель по щеке,
дребезг ливня и трепет дыханья.

Где гостишь, с кем летишь
мой апрель, колокольчик и мальчик?
Смехом сыплешься с крыш,
с них – горстями (безгорестно?!) —
плачешь?

Конец осени

Дождь, захлёбываясь, крошится
голышами хлеба,
тучи, пегие, как лошади,
вытоптали небо.

Сверху (гром-гремя) по улицам —
бьют битюжки ноги.
Осень просится отмучиться
на моём пороге.

В неба холст, досиня выстиранный —
сердце, имя, тело, ...
слиток капель, ветром высверленный,
бился до предела.

Но ни жалобы, ни жалости
в листьях ржаво разных
Жизнь и смерть им – краски, кажется,
ярки и бессвязны.

Льёт, как карты мечут... Спрашивать
в хаосе ответа —
умирать и вправду страшно – *так?*
Жить – да легче ль это?

Прояснилось... Солнце выглянуло
вновь, без укоризны —
в небо лёгонькое, вылинялое,
в серый круг отчизны.

Вечер, воздух...

Ввечеру, где лилово и зыбко,
где сокрыта сирень переливами влаги,
я стираю неверные буквы резинкой
с черновой и непрочной бумаги.

Стали знаки едва различимы, как точки,
уж не видно ни черт, ни ошибок,
проступает на стёртом до марли листочке
сеть голубеньких, бьющихся жилок.

Утром чуть свет проснись,

мир едва обновится,
разве вспомню холодные прописи жизни?
А пока тосковать – безотчётней, чем птица,
о далёкой безвестной отчизне.

Баллада о елях и детстве

Мельчат огоньками мили,
а мысли горят воочью,
я в жёлтом автомобиле
мчусь (он с антресолей) ночью.

А память аховой пылью
на крыльях автомобиля
порхает за тормозами,
где лак слезает – слезами.

Из-под колёс, под колёса
огни неверные лезут,
вдруг что-то сверкнуло косо,
тень дерева перерезав.

Не ельничья ли аллея,
бегущая в сон из детства
(туда, где некуда деться)?
Олень ли то в отдаленье?

«Что? Вам в аллею из елей?
В ту, видную еле-еле?
Поверив искомой цели,
скорей берите левее».

Утро холодом веет,
снежные флаги белеют,
и старый мой джип в аллею
вплывает – дышать не смею.

...

«Бежит и тает, как свечка,
по улочке, бежевой речке,
иное солнце, ручное,
в оранжево-белом облаке,

солн-шар⁴ – печёное яблоко,

⁴ «Солншар» – словообразование (как у Северянина, Шершеневича и многих ранних эго-футуристов и имажинистов – ещё до 1917 г.).

он мал, но оно сквозное,
вот белый олень промчался,
и миг лишь до сна остался...»

...

Но отчего – под колёса
мгновенья, будто камня?
Не чудится ли аллея?
Не взять ли левой откоса?

Лёд тронулся, не остановишь,
напрасно баранку ловишь,
джип, верная моя лайка,
что ось, что любая гайка

летят за север, за осень,
вслед снегу тебя заносит
туда, за алмазной гранью
(последней в максимализме?)

за Северный полюс жизни
или, быть может, за Южный
(такой же книжный и выюжный)...
А грань земная – на осень,

по кругу назад – и бросит.
И вот аллея из елей
покрыта снегом забвенья,
(и всем нам, тронутым ею,

она видна еле-еле...)
Мой город, на сон похожий,
летят огоньки и звенья,
что ж, снова я твой прохожий.

Но сонм рождественских елей
всё там же – он не левее,
а прямо – и вверх! Правь твёрже.
«В горах моё сердце»⁵, Боже.

Почти верблюд

Дети, и цветы, и звери
(Или проще, Рай)
Проходи, зовут, сквозь дверь и

⁵ «В горах, в горах моё сердце» – из Р. Бернса в переводах Маршака.

С нами поиграй.

Но она – всё туже, уже.
Нет, не мародёр,
Не пират, я неуклюже
Взрослый дромадёр.

Больше солнца и без меры —
Вас любил-люблю.
Жаль, что я уж жёлтосерый
И почти верблюд.

На дворе кричит погонщик
И стоит жара,
Тащат тачку, катят бочку —
Вот и вся игра.

Побреду, закинув шею,
В жар песок колюч.
В нём найду ли ваш волшебный
И серебристый ключ,

Что, открыв в оградах струны,
Прозвенит в саду,
Где игрушечные луны
Ждут свою звезду.

Душа моего тела

*Т. Ю. Х.*⁶

Душа моего тела,
ты словно бы онемела,
не всё ли тебе равно —
в подушку или в кино.

Душа моего тела,
какой ты стала несмелой,
движеньям ты разучилась,
да что же с тобой случилось?

Ты вспомнить не захотела
мир глиняно-пустотелый.
Тебе б улиткой свернуться,
к простой молитве вернуться,

⁶ Посвящение сделано на несколько лет позже.

забыто старозаветной,
вечерней и предрассветной.
Душа моего века,
ты слепо замкнула веки.

Какое тебе дело,
пускай веселится тело,
пускай оно опустело.
И мир танцует на нервах,

век-спринтер кричит: «Кто первый?»
(«Кто последний?» – мы,
он: «Да-вай пер-вых!»),
мир концовок, уличный, оный —

словно лагерник перед шмоном.
На прямой магистрали века
сметены следы человека.
Нервопровод тонет в бетоне,

напряженье гудит да стонет.
Время терпит, нервы спрессованы,
нервы прячутся за засовами.

Нет звезды. Но ведь тьма – шатается,

когда ошупью ищут свечу.
И ребёнок – рождается
за последним: «Я не хочу!»

Родина (1)

Ирине Чемодановой

(Воспоминание о 50-х)⁷

Родина, просто ли родина —
роды, и росы, и рожь?
В мир прирастаем к ней родинкой
духа? Отрежут – умрёшь?!

Солнцем раёшно заоблачным,

⁷ Стихотворение долго пролежало в черновиках. «Воспоминание (о 50-х)» в заглавии появилось намного позже. («Родина»).

пестрядью детской берёз,
ситником пыльным просёлочным,
говором линий и гроз.

И расстоянием – громов и выюг
(даль и лесная мгла)?
Или – от дула к надбровью
гулом – вдоль рук и стола?

Трав неоглядную ржавью,
горечью их неживой,
глушью равнин – рвы зажаты! —
в чёрный распах ножевой?

...Гром приумолк, мгла уж прячется,
битвы покрыты землёй.
Что всё клянёшь ты нас, мачеха?
Матушка, боль успокой!

1968 г.

Осенний рисунок. Дорога

Ах, если бы иначе! Хоть бы немного.
Но в даль убегает прозрачно дорога.
Ни тени, ни света – иначе – не будет,
И мимо проходят усталые люди.

Раз путь – выпад в цель, тем точней,
чем случайней.
Он краток, и надо в нём быть —
без отчаянья.

1969 г.

Гадалка

1. В детстве

В детстве, в бегстве (конном и звонком)
мне хотелось быть амазонкой.

...

А в конце – прыжок над домами —
и домой, на тахту и к маме.

Каждый класс на домик похожим был —
так давно. Осталось тревожное:

кто-то дремлет во мне с начала,
и растёт со мной, но ночами.

Что же делать мне, кто там скрылся,
кто, как в куколке, спит в курсистке,
мотылёк, балерина безногая,
контур скрипки без нот и без грифа —

может, всё это блажь без подлога —
просто как эпидемия гриппа?
Ждать, слоняться, жечь сны, как бумажки,
жить в каминном жару, днём вчерашним,

с музой (странной штабскапитаншей,
в бывшем Энке виды выдавшей,
но не сдавшейся и не сдавшей)
Что же дальше-то? Что же дальше?

Рассудительная, домашняя
(в туфлях маминых, в сумерках) грусть
ждёт, шепча, осунувшись, спрашивая —
с детства помню я наизусть.

Только вдруг – не она, а с шалью,
и цыганкой глядит шальной.
Не с грустью – с полынь-печалью,
сама говоря с собой.

2. Гадание. Провал

«Как дважды два – всё просто».
Что можешь ты сама?
Нам издавно приказано, заказано – зима,
бетонная дорога, казённые дома.

Колокольчик – и тот по ГОСТу,
а даль звенит сама:
«Дни-деньги-дон... погосты,
дней-денег-дзень... кутерьма».

А за карточными домиками —
сума там или тюрьма?
Модерн, таверны, замки,
тур – манкая⁸, да тьма?
– Постой-ка, что ты болтаешь, цыганка,

⁸ Туры – туристические поездки. Манкий (-ая) – на жаргоне 50 – 70-х – заманчивый, манящий (от «манить»).

Господь с тобой!
– Не знаю, сама узнаешь,
смотри, не шути с судьбой.

Разложила карты в холмики,
как голубь, бьётся туман,
на них «крестики» и «нолики»
расставит жизнь сама.

Прости, сбылось отчасти,
но не случилось вдруг,
пусть кто-то будет счастлив
с тобой, мой милый друг.

Тузы, что там, за глянцем,
пиковый взял валет.
Всё разошлось в пасьянсе
«Мари-Антуанет»⁹.

Коротким было гадание,
и карты прочь со стола.

...

– Что ж, жги-говори, как сами мы
живём – была не была!

3. Очнувшись...

...А останутся – письма редкие
и сквозной календарь в ноябре,
так, листки в линейку, в клетку,
да дождик на дворе...

Вдруг, узнав, кто я в самом деле,
уступлю я и стану – тенью,
вдруг, узнав это, Боже правый,
я погасну. И стану – вами.

Ведь всё это вам не страшно,
вы завтра станете старше,
между раз, два, три – и четыре
нет ночных пустот в вашем мире.

Только (всё-таки, может быть,
и не сдаваясь)
выход есть из судьбы и тоски —

⁹ Имя обезглавленной французской королевы. Пасьянс с таким названием был. Помнится, был даже и пасьянс «Могилы Наполеона».

открывать дверцы душ
не ключом, а словами?
С чёрной лесенки ль,
с красной строки.

1965 г.

Мне в этом зеркале

Мне в этом зеркале видны
И днём туманные огни.
На этой комнате печать,
Волна стоячая, печаль.

Шаги на потолке дрожат,
И вещи, выпрямясь, лежат.
Слегка вибрирует стеллаж,
Не смея выбрать звон стекла.

А сквозь окно в упор на дверь
С упрёком смотрит странный зверь.
Он видится иль снится мне,
Нечётко силуэт в окне.

И светлый дождь, и сизый страх
Лохматятся в его глазах.
Не может он вернуться в лес.
Дрожит и меркнет лунный блеск.

Породы – голубых ужей?
Кентавров скифских мятежей?
Левиафанов? Синих птиц?
Он затаился и притих.

Но он – один из стаи... той,
Что исстари звалась мечтой.
Кому – каёмкой голубой,
Кому – слепящей чернотой:

«В изломе молнии – внемли —
Есмь угол неба и земли!»

...

...К кому – дождём звенеть в окно
Протяжно, гулко и темно.

Моя Пьеретта

I

Постылым стал асфальт дорог
и пыльным – лоск зелёный листьев.
Так мне приснился городок,
куда с пути так просто сбиться.

Там ярмарка, там все кричат,
и мой двойник, что канул в воду:
«Кому нужна – всего на час —
моя бессрочная свобода?»

К нему подходят. В первый раз
глаза – две капли небосвода.
«Жаль, что не будет вам как раз
шар-балахон моей свободы.

Она по мерке им да мне
(врождённая ли,
с ней мы сжились?),
но в гулком этом полотне
мы для других – уже чужие.

Да, ворот глух, а платье – нет,
что хочешь в нём, летай ли, плавай.
Как в мешковине – тьмы плотней —
смешно барахтаться, не правда ль?»

II

Вокруг – свист, брань. Гремят, орут,
змеятся, содрогаясь, трубы,
за души дёшево берут,
в улыбках лопаются губы.

Обмены-мены без конца,
и нет черты – хотя бы зыбкой —
в куске всеобщего лица
с разорванной, как нить, улыбкой.

Подходит странный человек,
глаза как выбитые донья,

Слоги Твои, Отчая сень.

Скрипач

М. Малевичу

I

В глухом городке, на эстраде дощатой
стоит человек, улыбаясь печально.
Но руки уверенно держат улыбку,
летящую бегло, зеркально на скрипку,

(созвучные смыслы скрывая и знача,
то прячась, то вглубь что-то яркое пряча).
Без умолку солнце колеблется, льётся,
так вдруг с потолка паутинка сорвётся —

на каплю, что в тёмной водице смеётся.
И вновь безуданно прядётся и вьётся,
а тени стрекоз пропадают в колодце.

II

Глухой городок в носорожьих сугробах,
далёко в снега убегает дорога.
Чьё сердце стучит всё короче и глуше,
ритмичному току смычка непослушно?

Кружит, кувыркается нота бемоли,
вдоль чёрной спирали влекомая болью,
Скачок между соль и басовым ключами!
(В конце – как всегда, побеждает молчанье,

не длись ни секунды, мгновенье, – довольно!
Раз больше не нужно, и больше не больно.)
Всё, нота упала. Хлопки простучали,
и нет никого... На эстраде дощатой

зачем (вслед кому?), улыбаясь печально,
стою я и жду... Нет скончанья молчанью.

Чердак¹¹

*В детстве мы запросто входим в подвал бессознательного, а в
преддверии старости – на чердак никому не нужных вещей...*

Анри де Руэн

Здесь, в этом Богом забытом углу,
мальчик оставил ежа и юлу,
сам превратившись в подростка
на стадионе Петровском.

Сброшен рюкзак, не споткнитесь о дрель,
столбиком скатан, недвижим апрель,
в нём – на мосту, под стеною¹²
он целовался весною.

Помнится, с ней расставались на «вы»,
дальше есть всё... Нет – муравьей травы,
той, что, связуя все звенья,
просто дарует забвенье.

«Я бы вошёл, но не вспомнить мне дверь,
я бы нашёл тебя – только поверь!
Даль – ведь лишь окна да стёкла».

...

Всё зазвенело... и смолкло.

Старая квартира

Сверстнице

(сорок четвёртый год рождения)¹³

Шла война, но гул авиаоргий,
не сгубил – за дальне-малой целью.
Три святых Ирины и Георгий¹⁴
светами прошли над колыбелью.

¹¹ Черновик «Чердака» пролежал в «корзине» много лет, но был найден и выбелен. («Чердак»).

¹² Каналы в Петербурге не широки, а их тротуары так узки, что стоя чуть ближе к любому берегу, невольно окажешься и «под стеной» ближайшего дома.

¹³ Стихотворение «Старая квартира» написано на много лет позже «Шансон Дым». Вошло в него чисто тематически. В канонах и акафистах на церковно-славянском светлыми порой именуются ангелы и святые, а св. Троица – Светами с большой буквы. («Старая квартира»).

¹⁴ Имена святых (они же и ангелы-хранители) по дате рождения.

Тыл. Но мир был всё равно из дыма
и на чёрных тюфяках в палате
мама (своим ангелом хранима)
вдруг пришла в себя – с тобой в объятьях.

А потом в далёком эшелоне
вас колёса повивали нитью.
Так, в невольном стиснуты поклоне,
вы и добрались до «местожитья»¹⁵.

В почернелой питерской пещере
камень мыт слезами, да не вымыт.
...Летом, в той же комнате и эре
мирный жребий вам – на счастье – вынут...

С края света, прячась в эти годы
вглубь бинокля – старая квартира.
Маленькая девочка у входа
замирает на пороге мира.

Солнца луч замком амбарным схвачен:
«Мама! На перилах, в чёрном – кто там?!»
Смерть вождя маячила, как мяч, но
всё не попадающий в ворота.

Ты

Из цикла «Местоимения и корни»

(1961–1968 гг.)

1

Ты – небо-убежище,
отклик неразделённый,
дверь закрыта в стене
и не хочет открыться.
(Отзвук стены ключу нами потерян).

Ты – просто крыша на небе,

¹⁵ По аналогии с общежитием.

под ней лишь одна стена.
Ты отошёл от стены... И нет ответа
от колыбельной купели и до разверстой —
где Ты? Откуда Ты?

Ты – отторжение и откровенье.
Дом (но ничуть не от мира),
крыша – небо – стена...
Ты далеко за стеной,

но я-то под крышей Твоей.
Ты – еле видимый свет.
О, как долги блуждания в эфире
гроз и дождей световых,

сжигающих, животворящих.
Мольба, ожидание – ключ?
И опять нет ответа,
музыка сфер и круг обжигаемой плоти
от дуновенья – до грома?

Любовь, что скорченной розой
к стене припала,
сорвана ветром с портала.
Ты —
это прибежище и от Тебя.

Бесконечен
гармонический ряд отражений
Ты – я – стена,
сходящийся на небе в точку
Ты – это...
Нам мир представлений —

лишь телеящик цветной,
в котором недолго мы длимся,
мы – силуэты и тени, мы – маски и лица.
Как нам постичь:

«От Адама вершится суд, плач,
и обряд поминальный,
чрез воскрешенье
в живых¹⁶
до воскресенья из мёртвых»
Да будет так. Да исполнится

¹⁶ Существует тонкое различие между воскрешением (как возвращением к жизни) и воскресением из мёртвых. Воскрешённый Господом Иисусом четверодневный Лазарь через много лет умирает. Воскресшие из мёртвых уже не умрут никогда (всеобщее воскресенье). («Ты»)

воля Твоя.

2

А малое «ты»
так похоже на белку,
на воробья, что клюнул-кивнул, улетаю,
Но, как и небо —
сетей, да и мелкой
не терпит оно суеты.

Луч лишь оно, а не пламя,
и медля над нами,
в тумане морском рассветает.

1963 г.

Молитва корней

Путь зрительный, путь нервный, слуховой
и к миру не приросший образ Твой.
Наш косный путь,
пусть костный, млечный пусть

И Твой, не вобранный в земную плоть,
не пропитавший чёрствый сей ломоть. —
В кость чёрную, ни в голубую кровь
не вдуновенна¹⁷ с жизнью любовь.

Равно чужда и миру, и уму,
родна нам чудом вопреки всему, —

как голос, что стоит на всём пути:
«Простишь ли нас? Прости меня!.. прости...»
...

¹⁷ Слово «вдуновенный» встретилось в одном старинном «Изборнике».

II. Шансон Сон
(1966–1972 гг.)
Шансон sans raison¹⁸
(Чередуясь с циклом Снегопропады)

Часть первая
Из цикла «Моя бездомная любовь»

Пластинка

Ал-ру Ке-ну

I

Золотистый, летучий звон,
луч иглы тебя находит,
«Mon amour, Marion,
notre toujours»¹⁹... уж на исходе.

Чертит круг начерно,
возвращаясь, луч блестящий.

Обруч, глубь с озёрным дном,
отклик музыки и счастья.

Улетели этажи —
что нам всё же остаётся?
Повтори мне, скажи,
где мы нынче расстаёмся.

Щёлкнув глухо, спираль
вывернула себя всю. Дай
мне руку, печаль,
и уйдём скорей отсюда.

Нет, не будет птенцов,
ни прозрачно-ломких почек.
Лёгким снегом из снов
с зимней тяжестью покончим.

¹⁸ Песенка без «повода и смысла» (по аналогии с «без слов» П. Верлена). Вторая часть «Привала в облаках».

¹⁹ «Марьон, моя любовь, наше всегда...» (*фр.*)

II

Пусть невидимая, из сна,
детский свист, сквозняк и скорость,
станет пробовать весна
на земле искать опору.

Кисти, ведра, апрель,
солнца влажные заплаты,
непрочна акварель
на снегах голубоватых.

Каплет-колет капель
в горлах труб со ржавью астмы.
... Там, где дремлет метель,
ты со мной навеки, август.

Спи, в золе догорай,
мой шафранный рай...
Как тихо...
Просто – вглубь, в глушь убрать
солнце чёрное, пластинку.

Просто – в шкаф (в пыль) убрать
дно без отблесков.
Пластинку.

Ремарка вторая. О «Снегопропадах»

Тема Снегоземья начиналась с них. Первоначально это были питерские чёрно-белые пейзажи и моментальные зарисовки. Снег – ведь это и рассыпчатая белая краска, то окрашивающая, то засыпающая всё, но по-своему. А снег в полёте – вдобавок и лёгкая завеса, создающая иллюзию. Последняя же не только покрывает собой мир, но и позволяет увидеть его в иных степенях связности и разобщённости.

Ритмы снего-пропадов, то вихреобразные, то плавные, по-другому сближают, раздвигают и связывают явления (притом не обязательно только в пространстве). Летящие снежные точки в своей совокупности смещают и центры тяжести, и саму весомость, значимость отдельно взятых вещей.

Мне невольно думалось при этом: «А если бы они летели так во внутренних пространствах наших душ, миры которых достаточно просторны и, наверное, сообщаются между собой? Тогда они, быть может, создавали бы и там свои летучие зарисовки-разрезы самого разного рода в манере – предположим, пуантилизма? Акварельного ясным днём и чёрно-белого ночью.»

Этот взгляд как бы «сквозь них» расширял возможности «Снегопропадов» как стихопейзажей. Да, в этом смысле они могли быть и «лиственными», и «лунными» и даже, как ни

странно, «концертными»²⁰. Но это всегда и всё же – точечные городские зарисовки, притом характерные для Петербурга, это именно его зимние холод и даль.

Снежный полёт то сокращает, то удлиняет расстояния между вещами (и тени), но даль-то всегда присутствует и кажется непреодолимой, особенно если рисунок и не пытается вместить её. Но это всё та же русская даль, исстари знакомая: – «унеси мою душу в звенящую даль...» и «тоскующая». А зарисовки – днём акварельные, они (хотя слабо, но переливаясь) окрашены, напоминая этим пуантильность²¹ мыльных пузырьков, вылетающих из тонкой трубки. Улетев, они всё ещё чуть видны, подобно воздушным шарам в далёкой вышине – в последний момент перед исчезновением.

Но несмотря на это, они и по-питерски каменно-грубы, в них отпечатаны и уличные торцы, и угловые тумбы, и даже булыжники площадей.

Почему же всё-таки «Снегопропады», а не «Снегопады»? Отчасти потому, что авторское я в них уплывает как бы вглубь, оставаясь за кадром.

Отчасти же – из-за чувства тревоги и безнадежности, вызванной тогда Карибским кризисом да и резким поворотом вектора времени в конце 60-х.

С птичьей-человеческой фигуркой

1

...Отщёлкнет ключ щепу с сухих полениц.
Под снегом оперишься ль наконец?
Неприспособленный приспособленец,
питомец, и подзимок, и птенец.

Ты приручён, твои ручки застыли,
ты окольцован колкий снег клевать,
ищи себе тугие бритвы-крылья,
твоими – стужу не поколебать.

Шеренги крестиков – канва по снегу,
канавки поворот, как бурка, сив...
Дым по оси земной покрыл полнеба.
Кулич со свалки – досыта ль красив?

Бросай же зимний плод, земную тяжесть
на гулкие ладони мостовых.
Бумажный змей застуженный приляжет
всей пестротой под два крыла живых.

(Твой крест небесный в меловом вертепе
чудесной силой чьей-то веры теплой²²...)
Что ж, небо чернокрылое ушло,

²⁰ См. стихотворение из этого цикла в конце сборника.

²¹ Пуантилизм (слегка изменено).

²² Теплая вместо тёплая, как в церковных текстах, где нет буквы «ё».

и копы звёзд тебя не пригвоздили.

Сиянье нимбов в голубом горниле
тебя не опалило, не сожгло.

2

Вот только бы не вспомнить как-нибудь
что твердь – тверда. И что тяжёл, как ртуть,
последний из блуждающих трамваев
(другие уж «промчались, завывая»²³),

тех, с яблоками вмятин на боках
широких... тех, что в послужных бегах
отскрежетали все свои моленья
и оседают медленно в коленях...

Дотла сожжёт подённый луч жестокий
билет в пустом кармане и ключи.
Прощай! Белеет парус одинокий
сквозь пепел-снег...

И белый свет горчит.

Ещё о весне

Ал-ру Ке-ну

(Моя бездомная любовь)

I

Снег за окнами мягко теряется где-то,
время каплет так близко.

Во сне
вдруг разбилась сосулька, бездумная флейта,
что один раз звенит о весне.

...Я бежала, не помня себя от разлуки,
поезд мчался за море, за твердь.
Из прозрачной травы

²³ Из строфы забытого поэта 20-х гг. Михаила Голодного: «А трамвай как сдует ветром, / Он промчится, завывая, / Профиль юности бессмертной / Промелькнёт в окне трамвая». («Снегопропады: С птичьё человеческой фигуркой»).

сквозь замёрзшие руки
я училась на солнце смотреть.

В мире утренней алости нежно и грубо,
плеском вешним окрест обойдя,
пели вóды (наяд²⁴ мимолётные губы?)
о сверканье и шуме дождя...

II

...Ближе к утру
сольются (с затверженной болью)
стук колёс и следы на песке.
Я не знаю, не жду. Всё, что было – невольно,
снег, серея, твердеет к весне...

Не в своих беловежских и заспанных царствах, —
глубже голоса, в горле-спине.
А слова – наугад, наизусть? – род лекарства,
чтобы быть наяву, как во сне.

В том немыслимом сне
снег летит вместе с летом,
в луннооком заоблачном сне —
нет разбитой свирели. Эолова флейта²⁵
мне бездонно звенит о весне.

Корабельный, кроющий мглой

(но – и молитва)

Из цикла «Снегопропады»

...Сумеречной снастью сводит мир с основ
снег...

Схожу – во власти тысячеоких снов.

Сузилась ли пучина, ширится ли волчком,
бьётся путь в паутине с тонущим зрачком.

²⁴ Наяды – божества ручьёв (из древнегреческих мифов).

²⁵ Эолова флейта – по аналогии с эоловой арфой.

Снова Земля проходит точечный зенит,
время натянулось, крови связь звенит.

Снова тише ли, громче повторять от сих:
«Эту чашу, Отче, мимо пронеси»²⁶ —

и до сих... Не ставить нам, не воздвигать,
вёрст во мгле не править, мук не избывать.

Только переходов «тронутых»²⁷ черты,
только снегопадов сёлоны гряды,

только б не покинуть – так легко уснуть! —
этот нитевидный, еле внятный путь.

Помни: «И потомкам странен голос тех,
что в котомках тонких уносили – снег».

Осенним днём

Ал-ру Ке-ну

(Моя бездомная любовь)

1

Вдруг снова днём, – как белой ночью.
Откуда эта тишина?
Ведь осень в городе хлопочет,
недавно началась она.

Да, воскресенье в самом деле,
вот отчего на даль версты
Гостинодворские аллеи
стоят пустынно и желты.

А в Павловске дни как газеты,
(что шрифт смешали с домино).
Там привокзальные буфеты
пыхтят... И в них ещё полно.

²⁶ Из «Гамлета» Б. Пастернака.

²⁷ Тронутый – немного не в себе, просторечие.

Бумагой, а не тягой шмельей,
шуршат оборванно кусты.
И в этом – весь конец недели
до наступленья темноты.

2

Ты помнишь взлёт косых и рдяных,
летучих, как косынки, туч?
Вдоль притолоки покаянно
склонялся к нам последний луч.

А утром дождь по древесине
летел... Что пело сквозь него?
Златой мелодии Россини
улыбчивое торжество?

Нет, кто-то клавиш в дачной сини
касался – до рассветных рос,
заплаканной былой России,
весны и ветра виртуоз.

3

Мне снится плач ребёнка горький.
Да водосточная труба
лепечет, льёт скороговоркой
хлопки невыжатых рубах.

И в пробужденья метке краткой,
когда в глаза метнётся ночь,
знать – явственно, но и украдкой, —
что ничему нельзя помочь.

Что смерклось лето, им покинут
в полях
 полёт дождей и птиц.
И время дням слагаться в кипу
никем не тронутых страниц.

Послеполуночный

(Снегопропады)

Одинокий свет и морозный ворс,
листовой воротник-карниз...
И протает ли с жести изморось
иль под утро бросится вниз?

Надвигаясь, плывёт и плавится
Айсбербург²⁸ накалённых лбов.
В стройных снах со дна надвигается
полк фонарных калек-столбов.

В гололобье крыш
снег бормочет: «Ночь».
На домах туманность рубах,
слуховая и одиночная
с чердака – в водосток труба.

Прилегла душа в тихом холоде,
на глубинной дельта-волне²⁹,
гаснет Эго (и эхо) города,
воск неоновый в вышине

как сквозь копоть... Сколько их, медленно
тьму светящих капель в саду?
Шорох? Зов ли? Идти мне велено:
«Слышу, слышу,
спешу, иду...»

Бессонница в чёрных томах

Ал-ру Ке-ну

²⁸ Город айсбергов, срединное «г» стёрто в соответствии с неписаными правилами языка.(«Снегопропады: Послеполуночный»)

²⁹ Энцефалограмма мозга включает и дельта-волну, соответствующую состоянию наиболее глубокого сна.

(Моя бездомная любовь)

I

Бессонница в чёрных томах,
бег
 белых полей наяву.
Я в серых и жёлтых домах
жизнь – вместо себя – проживу.

Сны робко нисходят за мной
с глядящих в забвенье зеркал,
Твой облик стал прядью льняной
(заброшенной в лунный овал).

Дрожит, как разбитый фонарь,
древесными гранями сад.
Бьёт в колокол старый звонарь
собора любви и утрат.

Там в узком, как рана, окне
дамасских клинков голубей,
застынут, забыв обо мне,
химеры минувших скорбей.

II

Там в самую раннюю рань
небытия забытьё
шепнёт: «Есть льдистая грань,
легко соскользнуть с неё»

Там время – кормчий впотьмах.
Весь век мой будет оно
нести к тебе на руках,
но – только в это окно.

Лиственный

(Снегопропады)

Белые листья слетают мои,
красные, жёлтые падают с крон.
Белые листья – в четырёх стенах,
Чёрные – по ночи – с четырёх сторон.

Ими заполнена, ширится ночь,
красные, жёлтые не в силах помочь.
В ком³⁰ – большой, скомканный
(со звуком «клэп-клок»³¹)
белый попал, неисписан, листок.

В окна стучит знаки морзе
Мороз,
колет в сознании точки насквозь.
Дом стеклокий, что наискосок,
красные, жёлтые светят – кому?

Им в голубом – на прощанье – дана
милость: кружась, завораживать тьму.
А за окном
треугольник окна,
сложен, отослан, белей полотна.

Но неопознан его адресат,
Чуть рассветёт, он вернётся назад.

На даче в саду

Ал-ру Ке-ну

(Моя бездомная любовь)

Это пригород,
куст и изгородь,
горе, счастье мимолётные,
скрытных крыл трепетанье лёгкое.

³⁰ В снежный ком.

³¹ Звукоподражание, составленное из двух односложных англ. слов: *clap* – хлопать, *clock* – часы

Это иволга – «милый, милая»,
это снегири – «снег с ресниц сотри»
и синичий глаз – «спички свет погас»,
это коростель —
«скоро стлать постель».

У малиновки – мал-малинов сад.
Молния! —
И куст ринулся назад,
но всю ночь в окне плакал, не дыша:
«Ты прости, моя малая душа».

Так и сплыл наш дом
лепестком к луне,
о тебе одном плачу я во сне.
Жаворонка жар с тоненьких небес
только продолжал,
только о тебе.

Ледостав Летнего сада (деревьев и статуй) ночью³²

*В Элизий улетает
Их лёгкая душа*

А. С. Пушкин

*Ведь можно жить при снеге,
При холоде зимы.
Как голые побеги,
Лишь замираем мы.*

Д. Самойлов

(Снегопропады)

Вспыхнул чиркнувший снег,
лёгкие ресницы,
до утра к дреме век

³² Этот снегопропад, названный здесь ледоставом, заканчивает оба цикла «Шансон Сон» – и лирический, и абстрагированный (элегические стихи и основную часть «Снегопропадов» (Написанную одновременно с ними.)). Он – о застывании любви, которая останется на всю жизнь, но обречена не на естественное, тёплое существование в живой сущности души и тела, а на иную его форму, подобную медленно застывающему воску. И всё же – вопреки всему – живому, потому что затаившему в себе пламя и свет свечи. «Снегопропады: Ледостав Летнего сада».

каменных – лепиться.

Вспыхнул в камере сад,
чёрно-белый, чёткий.
Статуи стоя спят,
тени на решётке.

В камне – воска ожог,
колебалось, тлело
чуть живое в чужом,
лёгкой тени тело.

Но не вспыхнет извне
ласковое пламя.

И нельзя свет в окне
удержать руками.

Свет ночной, свет всегда
контурный и лунный —
выплеснут, как вода
из разбитой урны³³

На руке мокрый снег
(хлороформа клочья?).
Не пролить – проще б! Нет
слёз и глаз – воочью.

Снег летит... Им дыша,
нежны ль губы статуй?
Свеч прозрачных душа,
пар голубоватый.

1969 г.

Часть вторая **II. Подмена par depot³⁴...И отголоски**

Дом в шалаше

Д. Ф-су

³³ Известная статуя с разбитой урной, из коей льётся струя воды.

³⁴ С досады (*фр.*).

1. Разъезд

*Иногда торжество ложных чувств над привязанностью пагубнее
для неё, чем измена.*

Ж.-Ж. Руссо

Всё. Прощаясь, мы молча с тобой постоим.
О прошедшем – ещё помолчим, погрустим.
(Но когда же он скажет мне просто:

«Прощай!»

И покажет-подскажет мне, как отвечать?)

Ты, вина, – чья ты тень? Что маячишь в углу,
что боишься и шага не ступишь к столу?
Зря склонялась ты, тень, то ко мне, то к нему,
каждому прошептав: «Я ничья – никому».

Зря металась, таясь, от меня, от него:
«Не хочу, – мол, – ни лгать, ни пугать никого».
Скрыв упреки, как прячут безжалостный стон,
ты в ногах, на полу танцевала бостон.

Без измены окончился молча наш день.
Сгинь в ночи ты, сообщница, общая тень

2. О падении

Этой ночью падала луна,
изредка скрываясь за домами,
и стояла в арках тишина,
дева с поминальными цветами.

Падала в обычный небосклон,
падала то медля, то срываясь,
вслед дома – спокойно колебались
однотонней инфрасерых³⁵ волн.

В тёмных стёклах с метинками льда
(в памяти – такой же слой изгнанья)
падала Селена в бессознание
млечным слепком детского гнезда.

Хоть шаги неровны и длинны,
твой двойник случайным был прохожим.

³⁵ Известны инфракрасные и ультрафиолетовые волны, они невидимы. «Инфрасерых» в природе нет, но всё та же невидимость позволяет ввести их в текст, как метафору. («Подмена par dépit»: О падении).

Что он знал о городе, похожем
на раздробленную персть луны.

Свет, как стон, прерывисто лучист,
вдруг померк, дойдя до изголовья.
...Мел скрипел, шуршал осенний лист,
отчертив квадратики безмолвья.

Падала и падала луна,
зеленела медь, мосты вставали,
Нет, не стала падалью она,
но её на лунки разорвали.

Чьей-то жизни не было как нет.
Кто ты, призрак, вечно уходящий?
В перегонном кубе стынет свет —
известковый, резкий, жалко лъстящий...

...В городе глубок ночной покой,
смокли птицы, отключился грохот.
Воротник подняв, бреду домой —
к свету фонарей за поворотом.

Васильеостровский

*А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина...*

О. Мандельштам

(Снегопропады)

І. Площадь

На Васильевском низко, клубами,
пропадая в подземных сильфонах³⁶,
глух, впадал снегопад перед нами
в лобный, вдолбленный вакуум сонный.

Снег взмывал, проплывал под ногами,
пролетал с непоклонным наклоном.
И чернея главами, колонны
выступали на миг из ампира,

³⁶ Сильфон – гофрированная раздвижная труба.

как из призрачно буйного пира.
И корсетные рёбра тех залов
прогибались, шурша несказанно,
а фасадам – глаза застлало.

Но зарницей на миг из ампира
колокольное яблоко мира
(снегопада свеченьем сверхочным
рассечённое, в точечных толщах) —
расколосось на срезе...
Вот площадь.

II. Переход

Оселок ножевой³⁷ под ногами,
отражается в небе над нами...
Да как спички ли, семечки – люди
(а другого уж больше не будет)

над искрящим бессолнечным срезом —
сердцевины наклонной, чернея,
всё бегут, оглянуться не смея,
шаг держа, под полою таймы,
тёплым дымом полынным хранимы.

«Помоги перейти!» Но он тоже
с круга на круг, а выйти не может.
И по острой, как порох, пороше
нам метаться на спичечных ножках.

(Муравьиные лёгки поминки,
среди снежинок чернеют кровинки.)
Снегопад не поможет нам в горе,
он идёт, как волна в Лукоморье,

к Стрелке, Биржею втянутой в площадь.

III. Чьё-то двлёкое воспоминание

Но долбя островные составы,
кран³⁸ грох-бухает: в облако ночью,
в наобум, в надколонные главы,

³⁷ Этот переход уподоблен здесь оселку (но огромному) уличного точильного станка, какие тогда встречались нередко.

³⁸ Башенный, на другом конце острова, в Порту.

в ледяные глазницы ампира...

Вспомни – «солнце, посольства, Пальмира»³⁹
То, что было, – осталось прекрасным,
но былое-то смёрзлось, как тундра...

Ты очнёшься пронзающе ясным,
словно гонг пред отплытием – утром...

Чужая сторона

Л. С-ни

...И отголоски (первый)

1. Лестница, белая ночь

*Прощайте, мой
прекрасный контрольт —
и «белый пароход»,
и провод «Красной связи».⁴⁰*

Лестница смутной, но белой ночью,
ступенек стаккато, споткнусь вот-вот.
Скрипичным ключом, вот только короче,
по коридорам носится кот.

...Бравурное что-то мешается с Брамсом,
шаги на улице, гомон и плач.
Дана полу-явь нам. Не надо бояться
самых немислимых неудач.

И в дрожи комнатного коллодия,
в струнном сближенье плеч и времён
пробует встать, оживает мелодия,
ключ, биение, камертон...

Я и не знала, что не забуду
зеркало в сад и ваш голос глухой.
Ступенек – приметы, призывы, причуды?
Нет, лишь прохладный ночной покой.

³⁹ Вольный повтор эпитафии (из О. Мандельштама).

⁴⁰ Эпитафия авторский «Красной связи» – название улицы в те годы.

Светятся в городе (светлом не очень)
поровну – быт, неизменность и грусть
сквозь проруби окон в белые ночи.
Считаю их медленно... учу наизусть...

2. Прогулка по Обводному к Растанной

Небо горбится плавно, голубо,
солнце – не огонь, подаяние.
Серебрит листва твою голову...
Тени, блики, сень увядания.

От кувшинок – полушки талые,
и потуплены улиц головы.
Тихий голос поёт литанию,
улетают птицы из города,

Что ж, прудов опустелых лебеди,
ранний снег ли на ветках бережных,
листопад сквозь дождь —
множит знак беды?
Солнца пригоршни – в воду денежкой?

Шаг. Канала вдоль уз, с подсказками
от зимы,
льда наплыв ли, таянье.
Умолкала музыка ласково,
застывала даль – «До свидания!»

Пустота стоит смутно каменна.
Я одна – отрицать и каяться,
серебрит-темнит амальгама на
паутине слёз да тоска моя.

1972 г.

Снегопропад Рождественский⁴¹

In my beginning is my end.

T. S. Elliot⁴²

⁴¹ Написан значительно позже остальных.

⁴² «В моём начале – мой конец». – из Т. С. Эллиота.

(Снегопропады)

Осень, подмешавшая истому
в невесомость кротких, кратких дней.
Профиль неба в проводах, в изломах
быстрых серо-золотых ветвей.

Кажется, прозрачный этот свет
(к Рождеству. И поколеблен не был) —
затемно окутав дом и небо,
смыл железо стылое на нет.

А задует и потянет вниз,
дрогнет и забьётся по карнизу
мимолётно мишура ветвей,
финифть с тенью, солнечных и сизых.
(проскользнёт по кромке серых дней...)

Серых дней смутна лебяжья шерсть,
спиц мельканье, шаткая ограда,
ненароком сбросишь петель шесть,
и в гнездо пробьётся луч отрадный,

сбив завалы снега с наших душ —
блеск подсветки —

с ярких улиц в глушь —
позовёт на театральный ужин.
(Уж стекло заволокла не стужа —

светло-золотистое вино.)

Но – ненадолго гостить, раз в лужах
кровельным железом крыто дно.

...

Станет ветер рыскать день-деньской

и завьёт воронку злая скорость,
чтобы обобрат с ветвей покорных
позолоту, ставшую золой.
Но едва вязанья стужи перст

запросто дотронуться посмеет —
станет острой проволокой шерсть,
а в гнезде – птенец, что он умеет?
И укачивая, трепеща

голыми, безрукими крылами,
талый Ангел дня взлетит над нами,

мгла отступит, сучьями треща...

Боже, дай Ему (и нам) с утра
тихое усение утрат.

1971 г.

Три стихотворения

...И отголоски (второй)

из «Переводы из N. 1»⁴³

1. Далёкому возлюбленному

«Ты не из тех, кто выживает
ценою лжи длиною в жизнь»⁴⁴ —
Скорей из тех, кто вышивает
по краю пропасти во ржи.

Цвет василёк на пятах лета,
луг, горизонта колыбель,
тенистый хоровод в полсвета
и лёгкий виноградный хмель.

Господь прошёл. Темно и рано.
Пред птичьим звоном на заре
коснулся Он глубокой раны
всех, званых позже умереть.

Земля уходит в миг разлуки,
в овале вьющемся кружа.
Стрижами вслед взмывают руки.
И зёрна вверх идут, шурша.

2. Баллада о вечном возлюбленном

...А любовь всё живёт

⁴³ «Переводы из N.1» см. много ниже. К сожалению, бывало и так, что у А. Крэдль (см. ниже) уцелели только 2–3 строки стихотворения или 2 строфы баллады. Их пришлось восстанавливать в её стиле. Эти – именно из таких. Они даже и не переводы, а стихи, основанные на «заданных строках и размере». что и позволило поместить их здесь. («Переводы из N»: Из ранней лирики)

⁴⁴ В (последнем и коротеньком) ЛИТО Г. С. Семёнова эти две строки были нам как-то раз заданы как зачин.

*в моём сердце больном...*⁴⁵

Как сквозь фарфор и пепел,
я на ладонь смотрю.
А день, нелеп и светел,
вторую ждал зарю.

Снег, дуновенье пара
и лайка облаков...
Что плоть, как не опара?
В ней прах иных веков.

Всё бродит ли закваска,
трепещет тень ли, свет,
но не даётся ласка,
и отрешенья нет.

Мне – вспомнить ликование,
блеск августа и гром?
Я опыт рисованья
твой на песке морском

была. Как это было
давно и навсегда,
все очертанья смысла
шершавая вода.

Что ж, мне остались арфа
Эола да пески...

След реактивный шарфа
воздушной, злой тоски...

Не крест, а снег и верба,
жар перистый и лёд.
Я сплю, но рокот ветра
dahin⁴⁶, к тебе зовёт.

3. Старое фото

Кричащий комок из глины,
из глины с солью морской,
со смертной и лебединой

⁴⁵ Из репертуара Ал-ра Вергинского.

⁴⁶ «Туда!» – в тот мир, мир иной – из немецкой лирики времён классического романтизма. (Гёте, Шиллер, Бюргер, Гейне).

(что воскликнешь) тоской?

Выразит крик отвагу
клятву насмерть скрепить?
Нет, ледяную влагу
с солью до дна мне пить.

Ты вырван один из сада.
Я водоросль в снегу.
В ограде моя отрада
спит – на ином берегу.

Решётчатый дом вороний,
сверкнувший на солнце шпиль...
И некому больше вспомнить
о нас сквозь снежную пыль.

Снегопропад «Прощальный» (по Гайдну⁴⁷: *гаснут свечи, музыканты уходят*)

(Снегопропады)

Кто здесь остался? Только снег,
заброшенный протальный лоскут,
да свечи, что из века в век
мерцают тёплым, внятным воском.

Сквозь кресел лиру⁴⁸ и овал —
пыль звёзд в петлицах из лазури.
Как если б плющ сокрыл провал,
два века на миниатюре.

Освободилось столько мест.
Вокзален музыкальный ящик
и тьма смыкается окрест
застигнутых и уходящих.

Блок в снежной маске встал без сил,
и пламень, голубь шестиклиный,
звездой клубящейся проплыл
над колыбелью Коломбины.

С ним век ушёл под землю лечь,

⁴⁷ «Прощальная симфония».

⁴⁸ Лира (и овал) – формы былых филармонических кресел.

горланно гаснувший, бездонный
эон... Ростральный призрак свеч
на белой синеве колонны.

Нет обречённости души —
чуть раньше, много ль позже Баха,
но скрыт рассвет и смерклась ширь
гармонии
в струенье праха.

Что ж, вновь — и в полночь, и в ночи
лей, прожигая фалды мрака,
свой огонь и свет, звезда свечи...

В зигзаге оборотня-фрака.

Молитва из глубины снего-пропадов

Прости нам, Господи, прости...
Как долго (долго ль — мне?) брести
продрогшей тенью бездорожья?
Сам вскрик души моей: «Дыши!» —
ужели в чём-то вызов ложный?

Как возникает вновь трава,
когда земля с зимы мертва.
Как голубеет ломкость зданий
весной холодной, в дымке ранней, —
она шатается сперва.

И как размытый снег — слова,
что дремлют в ране бессознания...
Прости и не оставь. Внемли,
ведь я росток твоей земли.
Прости и корни, и долги

в ночи земной, до первой зги.
Когда в ней оживёт трава
и снег растает, как слова:
«Весной холодной, в дымке ранней...»

Часть третья⁴⁹
Отрывок из малой поэмы
«Ночные разговоры»
(Разговор одинокого человека с его невидимым Ангелом)

II

«Алло, алло... Да, добрый вечер, —
случайно набрала я „вечность“. —
Мне б „скорую“!⁵⁰ О, как-нибудь!»
Там – в словарях – нет слова «скоро»,

мне ж не расслышать – в горе ль?
В горы?
«Что? – отвечают – Долог путь».
Гудки постскриптум подтверждают,
что жить велят и продолжают,

что этому нельзя помочь.
А облака над переулком
восходят в горы. Хладно, гулко,
всю нескончаемую ночь.

III

Ширококостный тур, оратай,
меч обнажённый и крылатый —
таким встаёт в проёме Свет.
Не отроком большеголовым

пралучезарного бывшего
небесной родины,
о нет...
Он нить светящуюся, совесть
жжёт.
Медный зык свергает в пропасть

наш слой⁵¹ истории трубой
в рёв водопада... Зря я плачу,

⁴⁹ Вернее, всего лишь отрывок из неё.

⁵⁰ Вызов машины «Скорой помощи».

⁵¹ Будущий археологический?

(едва ли я хоть что-то значу)
склоняясь молча пред Тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.